



АЛАЙНА САЛАХ

# ДВОЕ

ДВОЕ

# Алайна Салах

## Двое

### Серия «Скандал»

*doc предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=67571340](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67571340)*  
*Алайна Салах Двое:*

#### Аннотация

**Диалогия, включающая в себя книги: «Двое» и «Двое. После».**

*«Двое»*

– Я хочу стать твоей содержанкой.

Мужчина выпускает в воздух сизую струю дыма и фокусируется на мне глазами:

– Тебе лет сколько, девочка?

– Боишься в тюрьму загреметь? – отвечаю ему в тон. – Не бойся. Мне девятнадцать.

– И что, по-твоему, означает быть содержанкой?

– Не видеть вечно пьяного отчима и равнодушную мать. Не думать о том, где я завтра буду спать и что буду есть. Носить красивую одежду и знать, что я не хуже других.

Он снова подносит сигарету к губам, его голос звучит жестко.

– Содержанка продает свою свободу, свою гордость и свое тело. Купивший может делать с ними все, что захочет. Уверена, что у тебя нет другого варианта?

*«Двое. После»*

...Я думала, что моей любви хватит растопить сердце любимого мужчины, но оказалось, что мои чувства ему не нужны. Он посчитал меня недостойной, наивной, глупой и выставил из своего дома с вещами, разбив мне сердце. Мне пришлось научиться жить без него: найти работу, заново верить людям...

Я больше не наивная девочка, до безумия влюбленная в своего первого мужчину. Теперь у меня все прекрасно и есть парень. Но всего одна встреча и разговор – как все стало рушиться на глазах. Спокойствие оказалось иллюзией. Оказывается, все это время он находился совсем рядом.

***Книга содержит нецензурную брань.***

# Содержание

Двое	6
1	6
2	12
3	20
4	25
5	30
6	39
7	46
8	52
9	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

# Алайна Салах

## Двое

### *Дилогия*

Ограничение 18+, брань

Теги: разница в возрасте, жесткий мужчина, наивная героиня

Жанры: современный любовный роман, романтическая эротика

\* \* \*

# Двое

## 1

– Меню дай. – Мой спутник небрежно чиркает взглядом по лицу застывшего официанта в бабочке и вновь смотрит на меня. Его тон заметно смягчается, становится располагающим: – Ну рассказывай, красивая, чем занимаешься.

С Маратом я познакомилась в вестибюле популярного столичного ресторана сутки назад. Я выходила с провально-го собеседования на должность официантки, а он приехал на деловой обед. Он спросил, почему у меня такое расстроенное лицо, я коряво отшутилась, чтобы не посвящать незнакомца в свою очередную неудачу, после чего Марат неожиданно попросил мой номер телефона. Сегодняшним утром он позвонил с предложением встретиться. По этому поводу на мне надето лучшее платье Кристины и её самые дорогие туфли, которые малы на целый размер. Потому что я должна его заинтересовать.

Взгляд Марата исследует мои губы, беззастенчиво спускается к шее. Я улыбаюсь, стараясь не переборщить с призывом, чтобы не выглядеть легкодоступной. Он симпатичный: русые, модно подстриженные волосы, ухоженная щетина, ровные белые зубы, крепко сбитый торс под кашемиро-

вым свитером, дорогие часы. От него веет всем тем, чего так отчаянно не достаёт мне. Уверенностью в завтрашнем дне и деньгами.

– Я сейчас на каникулах. Приехала в Москву к подруге. Погулять, развеяться.

Марат слегка кивает, словно вносит необходимую производную в графу уравнения.

– Учишься?

Теперь киваю я, даже несмотря на то, что в потрепанный университет своего родного города, в котором проучилась год, ни за что не вернусь.

– Да, учусь.

Я судорожно подбираю тему для дальнейшей беседы в попытке проявить себя интересным собеседником, но в голову, как назло, ничего не лезет. К счастью, подоспевший официант дает мне необходимую отсрочку: кладёт перед нами меню и выжидательно замирает.

– Еще одно принеси, – распоряжается Марат, не удосужившись взять меню в руки. – У меня сейчас друг подъедет.

Новость о приезде друга меня настораживает. Мне нравится думать, что Марат меня пригласил, потому что я ему нравлюсь и у нас с ним свидание. Появление третьего лица никак не входит в мои планы.

– Приятель позвонил дорогой сюда. Пару вопросов с ним обсудим, и потом он уедет, – словно подслушав мои мысли, поясняет он. Придвигается ближе и небрежно опускает руку

на изголовье дивана совсем близко к моему затылку.

От вторжения в личное пространство я по привычке на-прягаюсь, но потом напоминаю себе, что это хороший знак. Марат явно заинтересован.

– А ты, – я приподнимаю уголки губ и щурю глаза, копируя любимую актрису, – Чем занимаешься ты?

– У меня сеть автосервисов в Москве и Подмосковье, – рука, лежащая позади, как бы невзначай задевает мою шею, и в глазах Марата вспыхивает знакомый огонь, какой я часто видела во взглядах мужчин, – ничего интересного для тебя, Тая.

Сейчас у меня почти нет сомнений, что после ресторана он предложит поехать к нему. Нужно ли мне соглашаться? Интуитивно чувствую, что нет. Но тогда передо мной встаёт другой вопрос: где сегодня ночевать? Кристина дала понять, чтобы на её гостеприимство я больше не рассчитывала.

Чтобы вернуть себе немного личного пространства, я тянусь к бокалу с водой, но отпить не успеваю, потому что в этот момент над столом нависает тень, а в ноздри проникает новый запах: мускусный, эксклюзивный, очень терпкий. Он щекочет нервные окончания, собирая мурашки на предплечьях и увлажняя рот слюной. Хотя последнее, скорее, происходит потому, что в последний раз я ела больше десяти часов назад.

В поле зрения попадает широкая кисть в обрамлении белой манжеты, крупные пальцы с качественно обработанной



ногтевой пластиной. Второй маркер обеспеченности – идеальный мужской маникюр.

Новоприбывший садится, и я испытываю почти изумление – настолько то, что я ожидала увидеть, разнится с реальностью. У него иссиня-черные волосы и густая щетина, имеющая мало общего с выверенной небритостью Марата. Она, скорее, небрежная и при этом удивительным образом его не портит. Мужчина одет в строгую белую рубашку, из-под ворота которой контрастом проступают края цветной татуировки.

– Знакомься, Бо, это Тая, – пальцы Марата пробегаются по моей пояснице, заставляя слегка вздрогнуть. – Тая, это Булат Каримов, мой друг.

Взгляд мужчины касается моего лица с той же небрежностью, с какой Марат недавно смотрел на официанта, но через мгновение возвращается вновь. Теперь он смотрит по-другому: пристально, изучающе. Мне такое не в новинку. «Лицо как с картинки», – говорила наша соседка тётя Зоя. «Куколка», – звала меня покойная бабушка. Я знаю, что красивая. Кроме внешности, у меня больше ничего нет.

Тёмные глаза задерживаются на мне последнюю секунду, а потом, будто потеряв интерес, перебираются на меню.

– Заказали уже что-нибудь? – спрашивает мужчина поверх страниц.

Голос у него под стать внешности: немного резкий, будто осипший. Я не умею определять возраст, но вряд ли ему

больше тридцати: у него хорошая кожа, а вокруг глаз совсем нет морщин.

– Нет ещё, – бедро Марата сливается с моим, когда он придвигает ко мне увесистую кожаную папку. – Выбирай, что хочешь, красавица. Мы пока дела обсудим.

Я раскрываю меню и моментально ощущаю тянущую резь в животе. Названия блюд снабжены картинками. Поджаренные куски мяса с характерными следами от гриля, яркие салаты, украшенные золотыми брызгами масла закуски, названия которых мне ни о чём не говорят, и от этого они становятся еще более аппетитными. Я беззвучно сглатываю слюну и, придав лицу безразличное выражение, перелистываю страницу. Только бы желудок не заурчал, так чтобы все за столом услышали.

– Давай еду закажем, Марат, – доносится всё тот же хрипловатый голос с ленцой, – твоя спутница голодная.

Кровь за секунду взмывает к щекам, окрашивая их в розовый. Чем я себя выдала?

Я слегка приподнимаю брови, чтобы продемонстрировать мужчине своё недоумение, однако его взгляд опущен в страницы. Высокие скулы, густые тёмные ресницы. Красивый.

– Я буду салат... – я быстро смотрю в меню, чтобы не запнуться на сложном названии, – нисуаз с тунцом и цыплёнка на кедровой доске. Из напитков – вино. Итальянское.

– Могу предложить Кьянти, Бароло, Вальполичелла... –

начинает перечислять официант.

— Второе, — выпаливаю я чуть быстрее, чем нужно, и кожей ощущаю взгляд с противоположной половины стола. Расправляю плечи и откидываю назад волосы. Хватит волноваться.

Марат называет свой заказ: сложное название супа, овощной салат и горячее, а потом черёд доходит до Булата. Я подношу ко рту бокал с водой и наблюдаю.

В его манерах есть что-то от хищника: расслабленное и одновременно опасное. От него тоже исходит аура уверенности и роскоши, но к ним примешивается ещё один запах. Доминирующего превосходства. Рядом с ним Марат, который ещё полчаса назад казался мне образцовым кандидатом на роль спасителя, стремительно бледнеет и меркнет.

Мужчина откладывает меню, откидывается на спинку дивана. Наши взгляды встречаются всего на долю секунды, но и этого хватает, чтобы я приняла решение. Если уж следовать задуманному плану, то целью стоит выбрать лучшее. Мне больше не нужен Марат. Мне нужен он.

– Я с Меликом позавчера встречался, – Марат выпускает из рук нож и вилку, и они с небрежным звяканьем ударяются о края тарелки. – Сказал, что через него с армянами вопрос решить не получится. Надо кого-то другого искать.

Нахмурившись, мужчина отпивает кофе из крошечной разноцветной чашки и кивает. Мне кажется, ему не нравится, что я становлюсь свидетельницей этого разговора, но вида он, тем не менее, не подаёт.

Марат откидывается на спинку дивана, его рука вновь оказывается за мной, большой палец гладит шею.

– Заскучала, красавица?

Я сдержанно улыбаюсь и кручу головой, мол, нет, не заскучала. Терпеть его прикосновения у меня нет больше необходимости, поэтому я тянусь за сумкой и, поставив её на колени, начинаю в ней деловито копаться. Булат не должен думать, что у нас с его другом что-то большее, чем просто ужин.

Когда я по второму разу перебираю нехитрое содержимое сумки, у Марата звонит телефон. Рука на изголовье дивана исчезает, он принимает вызов, громко смеётся.

– Выйду покурить, – негромко сообщает Булат, поднимаясь. Говорит он это не мне, а другу.

Я провожаю взглядом плечистую фигуру и принимаю оче-

редное молниеносное решение. На раздумья у меня времени нет. Нужно действовать.

– Нет, Баш, завтра не получится, – расслабленно закинув ногу на ногу, Марат растягивает губы в улыбке и трет подбородок. – Выходные, сам понимаешь. Качу в Одинцово. Давай в понедельник увидимся...

Я незаметно поправляю вырез платья, трогаю его за колени и говорю шепотом:

– Отойду в туалет.

Марат утвердительно кивает, его ладонь гладит мое бедро, когда я протискиваюсь между ним и столом. Это можно потерпеть. Он, в конце концов, платит за мой ужин.

Лучше и впрямь для начала заглянуть в туалет: поправить волосы, подкрасить губы, но у меня мало времени. Улыбнувшись администраторше, я мельком оцениваю свое отражение в зеркале и наваливаюсь на массивную дверь.

Булат стоит справа от входа. Сигарета зажата во рту, смотрит в телефон. Он высокий, гораздо выше Марата. Да, это правильный выбор.

Я в последний раз поправляю волосы и шагаю к нему. Хорошо, что рядом никого нет. Сегодня всё играет мне на руку.

Заслышав стук каблуков, он отрывается от экрана, и наши взгляды встречаются.

– Захотелось подышать, – поясняю своё внезапное появление и глазами указываю на тлеющий ободок его сигареты. – Угостишь?

Мужчина за секунду оглядывает меня с ног до головы и, не меняя выражения лица, лезет в карман брюк и извлекает оттуда черную пачку. Выверенным движением ударяет по ней, молча протягивает мне.

Я выуживаю сигарету двумя пальцами, стараясь делать это изящно. Подношу ее к губам и, сфокусировавшись на его лице, слегка поднимаю брови:

– Прикуришь?

Свеча одноразовой зажигалки оказывается перед моими глазами, я бережно макаю в неё сигаретный кончик и затягиваюсь. Горький густой дым проникает в лёгкие, за мгновение разъедает их, заставляя меня поперхнуться.

– Крепкие, – я изо всех сил пытаюсь не закашляться, но в уголках глаз всё равно выступают слезы.

Не вынимая сигареты изо рта, Булат молча затягивается, и я тоже следую его примеру. От новой порции никотина начинает плыть голова, а желудок неприятно сжимается, но останавливаться я не планирую.

– Они не крепкие, – он перехватывает мои пальцы до того, как я успеваю сделать следующую затяжку, выдергивает из них окурок и швыряет его в урну. – Курением можно было впечатлить лет пятнадцать назад, но никак не сейчас. То, что ты не умеешь этого делать, тебе только в плюс.

Я даю себе пару секунд, чтобы оправиться от очередного поражения. Да, он не Марат. С ним приёмы, подсмотренные мной в голливудских мелодрамах, не проходят.

– Я собиралась из вежливости составить тебе компанию.

– У тебя уже есть компания на вечер.

Даже отлично, что он это сказал. Теперь я могу ненавязчиво прояснить ситуацию.

– Мы с Маратом познакомились только вчера. Он предложил встретиться, мне было скучно, и я согласилась.

Булат отрывает сигарету от губ, стряхивает пепел и смотрит на меня. На этот раз он делает это совсем не расслабленно, а требовательно.

– А ко мне ты для чего вышла?

Я даю себе секунду, чтобы осмыслить то, что я собираюсь сказать. Юлить и заигрывать с ним не имеет смысла: для этого у меня слишком мало времени, а он слишком умен и наблюдателен. За столом он смотрел на меня, и я уверена, что ему понравилась. Проще выложить на стол все карты. Что я потеряю, если не выгорит? С минуты на минуту он уедет, и у меня не будет второго шанса.

– Я хочу стать твоей содержанкой, – я произношу это спокойно и твёрдо, чтобы у него не закралось ни малейшего сомнения в серьёзности моих слов. – У тебя есть деньги, кольца на пальце нет, а остальное меня не интересует.

Мужчина слегка запрокидывает голову назад, пока выпускает в воздух сизую струю дыма, после чего фокусируется на мне глазами. Если он удивлён такой прямоотой, то вида не подаёт.

– Тебе лет сколько, девочка?

– Боишься в тюрьму загреметь? – отвечаю ему в тон. – Не бойся. Мне девятнадцать.

Булат в течение секунды изучает моё лицо, потом смотрит на грудь без попытки это скрыть, затем на ноги.

– И что, по-твоему, означает быть содержанкой?

На этот вопрос у меня есть ответ, и он тоже будет предельно честным.

– Не видеть вечно пьяного отчима и равнодушную мать. Не думать о том, где я завтра буду спать и что буду есть. Носить красивую одежду и знать, что я не хуже других.

Мужчина затягивается в последний раз и точным движением отправляет окурок в урну. Когда он снова начинает говорить, его голос звучит жёстко, поучающе.

– Содержанка продаёт свою свободу, свою гордость и своё тело. Купивший может делать с ними всё, что захочет. На твоём месте я бы поискал другие варианты.

Если так он думает переубедить меня, то зря. Мне не требуется времени на сомнения и раздумья.

– Вчера я была на собеседовании в одном популярном ресторане. Управляющий долго рассказывал мне, какие щедрые чаевые оставляют их клиенты и как они гордятся высоким уровнем обслуживания, а после предложил мне с ним переспать. За место официантки. Это к вопросу о продаже тела. Четыре дня назад я сбежала в Москву из дома, в котором мне долгое время было невыносимо жить, и с тех



пор моя мать позвонила мне лишь раз, чтобы сказать, что я неблагодарная тварь и не смела возвращаться. Это к вопросу о никчёмности свободы. Этим утром парень моей подруги, у которой я остановилась, попытался облапать меня на кухне, пока она спускалась в магазин. Я пнула ему по яйцам и всё ей рассказала. Она расплакалась, а потом сообщила мне, что я больше не могу у неё ночевать. Это о гордости. Все в этом мире продаётся и покупается. Я знаю, что красивая, и хочу продать себя подороже.

Булат выслушивает мою тираду молча, не выдает ни намёка на то, что она его впечатлила. Что подтверждает следующая сказанная им фраза:

– Пойдём внутрь. Марат заскучает.

Я расправляю плечи, задираю подбородок. Не собираюсь давать ему насладиться моим поражением. По крайней мере я попробовала. Это лучше, чем бездействие.

Берусь за дверную ручку одновременно с Булатом. Кожа его ладони жёсткая, горячая, от соприкосновения с ней меня пробивает током, а во рту пересыхает.

– Проходи, – табачно-мускусное дыхание задевает мою шею.

Нет, как бы не так. Еще не всё потеряно.

Когда мы возвращаемся в зал, Марат уже закончил разговаривать по телефону и вопросительно смотрит на нас.

– Встретились в вестибюле, – поясняю наше парное появление, забираю с дивана сумку и вешаю ее на плечо. – Мне

очень жаль, что приходится так уходить, но позвонила подруга, и ей срочно нужна мой помощь.

Я успеваю уловить намёк на удивление в глазах Булата, прежде чем снова взглянуть на свой неудавшийся проект. Марат не пытается скрыть свои разочарование и недовольство, и я на секунду почти жалею о принятом решении. Пожалуй, у меня бы могло с ним получиться.

– Прости, – я наклоняюсь и целую его в щёку. Почему-то мне кажется, что в его кругу так принято.

Бросаю последний взгляд на Булата, выражение лица которого вновь становится нечитаемым и, развернувшись, быстро шагаю к выходу.

Мой мозг судорожно обрабатывает дальнейшую стратегию действий. Шансов мало, но может получиться. У ресторана есть своя парковка. На столе перед Булатом лежали автомобильные ключи, значит, его машина, скорее всего, стоит там. Марата привёз сюда водитель, после чего тот его отпустил, значит, забирать он его будет, скорее всего, у входа. В присутствии друга Булат не станет предпринимать каких-либо шагов, а вот если его не будет, это может развязать ему руки.

Мой план срывается. Спустя пятнадцать минут рядом со шлагбаумом появляется знакомая фигура в белой рубашке. Булат идёт один. Я немного не угадала с автомобилем: вместо высокого внедорожника, рядом с которым я его жду, он направляется к длинному черному седану.

– Марат уехал? – я выхожу из своего укрытия к освещённому центру парковки.

Рука Булата застывает на хромированной ручке, и он медленно разворачивается.

– Поэтому ушла?

Я не скуплюсь на улыбку победителя, даже если она преждевременна. Он знает все мои безрадостные карты. Вызывать его жалость я не планирую.

– Конечно. Если я чего-то хочу, то всегда иду напролом.

Стараясь идти грациозно, но не слишком медленно, я подхожу к его машине. Встаю так, чтобы свет уличного фонаря падал мне на лицо: так глаза будут выразительнее. Даже мама как-то сказала, что они у меня красивые.

– Ну так как? Возьмёшь меня с собой?

Я удерживаю его взгляд, улыбаюсь. Да, ему точно не больше тридцати. Старше он кажется из-за длинной щетины. И я точно ему нравлюсь, потому что он меня разглядывает.

– Паспорт свой покажи.

Эти слова не звучат как просьба. Это требование, и оно застаёт меня врасплох. Улыбка сползает с лица, я невольно отступаю назад.

– Мне девятнадцать. Можешь поверить мне на слово. Я не собираюсь светить перед тобой паспортом.

– Полчаса назад ты так уверенно рассуждала о товарно-рыночных отношениях и завалилась на начальном этапе сделки, – жёстко произносит Булат, распахивая водительскую дверь. – Отойди от моей машины, чтобы я ненароком тебя не переехал.

Я снова чувствую себя идиоткой рядом с ним. Ну что мне стоило показать паспорт? Я хочу спать с ним за деньги. Гордость здесь совсем не уместна.

– Мне не нравится моё имя, – от волнения голос взлетает

на самую высокую октаву, пока я выдираю паспорт из недр сумки, – я не люблю его показывать.

Я тычу им ему в плечо, возможно, поэтому Булат разворачивается. Смотрит на меня, опускает взгляд на розовую обложку из кожама, будто нехотя ее берёт. Если его смущает лишь мой возраст, то с этим проблем не будет. Через несколько месяцев мне исполнится двадцать.

– Володина Таисия Алексеевна. Город Череповец, девяносто девятого года рождения.

Я обхватываю себя руками и закусываю губу, глотая свое унижение, пока он неспешно перелистывает страницы. Чувствую себя лошадью на базаре.

– Мне не интересны твои услуги, Таисия, – он протягивает мне документ и снова берётся за дверную ручку.

– Тая, – перебиваю его, – мне не нравится имя Таисия.

– Тебе нужно было попытаться с Маратом, Таисия, – проигнорировав мое замечание, продолжает он. – Навязчивые малолетние оборванки меня не интересуют. Проблем с сексом у меня нет, и я не испытываю потребности за него платить. Хорошего вечера.

Может быть, потому что в моей голове всё должно было сложиться по-другому и потому что в этот миг я поняла, что мне придётся ночевать на лавке по соседству с бомжами, что-то внутри меня ломается. Моя единственная надежда на спасение только что провалилась, и завтра мне банально будет не на что есть.

Грудь начинает ломить от растущего спазма, глазам становится горячо, отчаяние и дрожь в голосе сдерживать не удается:

– Для чего ты тогда попросил мой паспорт? Чтобы унижить меня напоследок? Ты ведь знаешь, что мне негде ночевать.

Булат бросает на меня последний, ничего не выражающий взгляд и захлопывает дверь. Переливающиеся бока седана неспеша откатываются назад, шины с хрустом перемалывают мои нервы. На секунду у меня возникает мысль броситься ему под колёса. Автомобиль движется слишком медленно и вряд ли я серьёзно пострадаю, но тогда Булат точно не сможет меня оставить. Эта мысль задерживается в голове на секунду и исчезает за ненужностью. Членовредительство – это окончательное дно. Уж лучше спать на лавке.

Автомобиль подкатывается к опущенному шлагбауму, останавливается. Через секунду эта полосатая палка поднимется, и он уедет. Я начинаю идти. Он был прав: я сама идиотка. Нужно было остаться с Маратом. Может быть, еще не всё потеряно, и я могу ему позвонить? Сказать, что дела с подругой решились быстрее и предложить увидеться? Нет, не выйдет. Мой баланс на телефоне ушел в минус, а кидать просьбу о дозвоне – это такое же дно, как и броситься под колёса.

Расстояние между мной и задним бампером с горящими стоп-сигналами сокращается с каждой секундой, но шлаг-

баум по-прежнему остается опущенным. Сгустившуюся темноту разрезает резкий звук автомобильного клаксона. Булат требует, чтобы ему открыли. Я мысленно усмехаюсь: так тебе и надо.

Перед тем как поравняться с водительским окном, я машинально выпрямляю спину и поправляю волосы. Собираюсь гордо прошагать мимо, но замечаю, что стекло опущено и притормаживаю.

– Наверное, охранник отошёл в туалет. Если хочешь, могу позвать кого-нибудь с ресепшена.

Булат коротко мотает головой, дескать, не нужно. Ну и к чёрту тебя. Я крепче прижимаю к себе сумку и, грохоча каблуками, иду вперёд. Просто ведь помочь хотела.

У входа в ресторан стоит небольшая компания: несколько парней и две девушки. Смеются, переговариваются, курят. Видимо, им никто не сообщил, что сигареты давно вышли из моды. Я останавливаюсь чуть поодаль, борясь с желанием отшвырнуть тесные каблуки, которые стёрли кожу до крови, и осесть на землю. Что мне сейчас делать? Куда пойти? Может быть, найти ближайший хостел и упросить администрацию разрешить мне переночевать? Взамен я бы могла убраться.

Мягкий шорох шин справа заставляет меня быстро вытащить телефон и уставиться в него. Машина Булата неспешно катится мимо меня, и я для убедительности начинаю активно водить по тёмному экрану пальцем.

– Таисия.

Звук собственного имени, произнесённый совсем негромко, заставляет меня вскинуть глаза, а сердце учащённо забиться. Булат смотрит на меня из-за опущенного стекла, на лице по-прежнему не отражается ни единой эмоции.

– Садись в машину.

Мой первый порыв – отказаться. Вытащить средний палец и сказать, чтобы он со своими проверками шёл далеко в задницу. Я бы, наверное, так и сделала, будь моё положение чуть менее безнадёжным.

Стараясь не делать резких движений, я убираю севший телефон в сумку, аккуратно застёгиваю её и прогулочным шагом иду к машине. Тяну ручку, но она не поддаётся. Кусаю губу. Это снова прикол какой-то?

Раздаётся глухой щелчок центрального замка, и тогда я пробую снова. На этот раз удачно.

Перекидываю через хромированный порог одну ногу, затем вторую, и с оглушительным хлопком закрываю за собой дверь. Слишком сильно. Будь на месте Булата отчим – он бы сейчас матерился.

В салоне автомобиля витает запах её хозяина: дорогой кожи и мускусного парфюма, из динамиков звучит незнакомая расслабляющая музыка. Я вытягиваю истерзанные ноги, вжимаюсь в бархатистую обивку сиденья и смотрю на Булата.

– Меня зовут Тая. Не Таисия.



Манера вождения Булата идеально вписывается в его образ: уверенная и неторопливая. Его ладони едва заметно ходят на руле, когда ему необходимо маневрировать, спина расслабленно покоится в кресле. Отчим водил совершенно по-другому: подавался грудью вперёд, ворчал на каждую проезжающую машину и бесконечно перестраивался из ряда в ряд. Поэтому я терпеть не могла нашу дачу – поездка туда означала два часа непрекращающейся тошноты.

– У тебя разве нет водителя?

Булат смотрит на меня мельком, после чего снова возвращается взгляд к дороге.

– Люблю ездить сам.

– Вряд ли это удобно, если ты решишь выпить.

– Не тебе об этом судить.

Я сжимаю пальцы в кулаки. Он снова указывает мне место. Навязчивая оборванка, так он сказал. Однако сейчас я сижу у него в машине, и мы едем... Я понятия не имею, куда мы едем.

– Куда ты меня везёшь?

– В квартиру.

– В твою?

– Да, в мою.

Губы непроизвольно дёргаются в победной улыбке. Он ве-

зёт меня к себе в квартиру. У меня все получилось. Пусть не с первого раза, но мой план сработал.

Я незаметно стаскиваю с ноги туфлю и едва не стону от облегчения. Даже страшно смотреть, во что превратилась моя ступня. Нужно будет где-то раздобыть зарядку. Моя осталась в квартире Кристины, а у Булата наверняка айфон. Но всё это мелочи, о которых я подумаю позже. Главной цели я добилась: сегодня я не буду ночевать на улице.

– Мы приехали? – задаю бесполезный вопрос, когда Булат останавливается перед чёрными въездными воротами. Дом явно элитный: современный фасад, подсвеченные стены из полированного гранита, вдоль которых стоят клумбы с зеленью.

Булат ничего мне не отвечает, выжидает, пока кованая решётка разъедется и направляет автомобиль внутрь. Парковка внутри небольшая и сплошь уставлена дорогими машинами, названия которых я не пытаюсь угадать. Чтобы не начать крутить головой по сторонам и вновь не выставить себя провинциальной дурочкой, я сосредотачиваю внимание на ногах. За пятнадцать минут поездки они немного отдохнули, и теперь мне необходимо запихнуть их в ненавистные туфли. Я прикусываю губу изнутри, чтобы погасить рвущийся стон, когда жёсткий задник вновь впивается в открытую рану. Надеюсь, Булат живет на первом этаже, ну или в доме есть лифт.

Припарковав машину, он выходит наружу, и я следую его

примеру. Едва ноги соприкасаются с асфальтом, давление на пятку усиливается, и я беззвучно скулю. Боль адская.

– Иди за мной, – коротко распоряжается Булат и, не дожидаясь моей реакции, идет к подъезду. Воспользовавшись тем, что я нахожусь за его спиной, я плюю на выдержку и начинаю хромать. При первой же возможности выкину эти чертовы туфли.

Булат живёт на третьем этаже, и к счастью, поднимаемся мы на лифте. Ткнув серебристую кнопку, он встаёт напротив и смотрит мне в глаза. Я тоже смотрю и неожиданно для себя начинаю нервничать. Сейчас мы окажемся в его квартире один на один. Уйти и позвать на помощь будет уже нельзя. Паника во мне зреет, как снежный ком, по мере того как лифт продвигается к нужному этажу. Я мысленно шикаю на себя. Во-первых, я здесь с определённой целью. Во-вторых, Булат не похож на маньяка или преступника. Если я начну бояться или сомневаться, то всё испорчу.

Булат открывает дверь, цвет которой я определяю как морёный дуб, – такой оттенок выбирала мама, когда красила волосы, – и переступает порог.

– Где ваши манеры, многоуважаемый Булат? – комментирую шутливо из-за его спины. – Я всегда думала, что дам пропускают вперед.

– Ты не дама и к тому же понятия не имеешь, где включается свет.

Я плотно сжимаю губы. Все никак не могу решить: груб

он или нет. Он не обзывается, не матерится, но при этом его слова ранят едва ли не хуже.

Переступив порог, я застываю. Здесь красиво. Очень. Высоченные потолки, много места... Так много, что в одной прихожей могла поместиться вся наша квартира в Череповце.

Не снимая с ног обуви, Булат идёт вглубь квартиры. Что делать мне? Последовать за ним? И почему он не разувается? Собирается уехать?

После секундных раздумий я, поморщившись, скидываю туфли и оглядываю ступни. В нескольких местах содрана кожа, сочится кровь. Выглядит жутко.

Из глубины квартиры доносится звук льющейся воды, и я решаю идти на него. Чем больше я смотрю по сторонам, тем больше меня одолевает странное подозрение, что Булат мне соврал. Не похоже, что здесь кто-то живёт. Слишком мало вещей, слишком стерильная чистота и даже запах здесь совсем не обжитой.

– Это не твоя квартира, – выпаливаю я, едва Булат появляется в дверях ванной комнаты.

Он слегка приподнимает брови, дескать, поясни.

– Здесь никто не живёт, это видно.

– Я живу за городом. Это моя квартира, но я в ней почти не бываю. Справа по коридору душевая. Помойся целиком. Полотенца и халат найдёшь в шкафу. Эту жуткую тряпку на себя не надевай.

– Это не тряпка, а платье, – машинально огрызаюсь я, чувствуя, как пунцуют щеки. – И к твоему сведению, я принимала душ с утра.

– Ты начинаешь меня раздражать и если продолжишь, я вытряхну тебя за дверь. Не забудь помыть голову.

Он разворачивается и идёт по коридору, на ходу расстегивая манжету рубашки. Я опускаю взгляд на подол платья и трогаю ткань. Оно совсем не жуткое, и я прекрасно в нём смотрюсь. Просто это он сноб.

Душевая – это огромное ярко-освещённое помещение, наполовину разделённое стеклянной перегородкой. Я защёлкиваю замок, для верности дёргаю ручку и, убедившись, что дверь закрыта, подхожу к зеркалу, занимающему без малого половину стены. Может быть, дело в дороговизне интерьера или в унижительных словах Булата, но сейчас девушка, смотрящая на меня в отражении, мне совсем не нравится. Короткое чёрное платье начинает и впрямь казаться нелепым и вульгарным, а ещё тушь осыпалась под глазами. Я подношу к лицу прядь волос и глубоко вдыхаю. Почему он потребовал помыть голову? Не понравилась туалетная вода Кристины?

Полотенце и мягкий махровый халат я нахожу в шкафу на противоположной стене и не удерживаюсь от того, чтобы не ткнуться в них носом. Пахнут свежестью. Интересно, ими вообще когда-нибудь пользовались?

Повозившись с молнией, я избавляюсь от платья, расстёгиваю лифчик, стягиваю трусы. Выпрямившись, кладу руки на талию и снова разглядываю своё отражение. Бабушка говорила, что я очень худая, но мне так не кажется. Я никогда не сидела на диетах, просто у меня от природы такая конституция: высокий рост, тонкие руки, длинные ноги, но при этом есть бёдра и совсем не маленькая грудь.

С глухим звуком я отодвигаю тяжёлую стеклянную пере-

городку и захожу в душевую. Растерянно смотрю вниз. Пол здесь тоже на удивление тёплый.

Мне требуется не меньше минуты, чтобы разобраться с диковинными смесителями, и ещё столько же, чтобы настроить температуру. Дальше доходит очередь до шампуня. Баночки, стоящие в нише, мне не знакомы, и на них нет ни единого слова по-русски. Выбрав стеклянный флакон с надписью «shampoo», я встаю под тёплые струи и выливаю часть содержимого в ладонь. Шампунь явно мужской, пахнет сандалом и пряностями.

Ещё полчаса уходит на то, чтобы тщательно промыть волосы. Кондиционера я не нашла, а без него пряди сильно спутались, и мне приходится разделять их пальцами. Особое внимание я уделяю ступням: смываю кровь и дважды их мою. Интересно, в этой квартире найдётся лейкопластырь?

Сполоснув за собой душевую кабину и убедившись, что в сливе не осталось волос, я заматываю голову полотенцем и кутаюсь в халат. Сейчас собственное отражение перестаёт мне казаться таким уж плохим. Щёки порозовели, и кожа выглядит отдохнувшей и свежей. Если Булат привёз меня в свою квартиру, значит, моё предложение его заинтересовало и у меня есть козыри на руках. Нужно просто грамотно ими распорядиться.

Фена и расчёски я не нахожу, а поэтому ещё раз прочёсываю волосы пальцами, складываю одежду стопкой и, не придумав лучшего способа её разместить, кладу на край пьеде-

стала вместе с полотенцем. Снова смотрюсь в зеркало. Я красивая и знаю, чего хочу. Не собираюсь волноваться. Слишком большой путь проделан.

Покинув тёплую влажную душевую, я выхожу в коридор и прислушиваюсь. Приглушённая вибрация голоса Булата долетает справа, и я на неё иду до тех пор, пока не упираюсь в приоткрытую дверь. Даю себе секунду на то, чтобы побороть внезапное волнение и собраться с мыслями, и переступаю порог.

Комната оказывается спальней. Как и везде, в ней тоже много пространства и света, а еще есть огромная кровать с высоким подголовником. Хозяин квартиры, прислонившись бёдрами к комоду, разговаривает по телефону. Белоснежная рубашка выправлена из брюк и расстёгнута на несколько пуговиц.

Заметив моё появление, Булат фокусируется взглядом на мне, ощупывает с ног до головы. Его бровь едва заметно дёргается вверх, глаза сужаются.

– По телефону о таких вещах говорить не стоит, Газиз. Давай завтра в первой половине дня встретимся. Наберу тебе. Отбой.

Он кладет телефон на комод, выпрямляется. От пристальности его взгляда мне становится неуютно, а еще возникает желание спрятать ступни, чтобы он не видел ссадин.

– Так гораздо лучше, – негромко резюмирует он.

Скорее всего, это комплимент, но он совсем меня не ра-



дует. Наверное, потому что в его голосе нет ни теплоты, ни восхищения.

– Подойди.

Мне снова хочется ему возразить и сказать, чтобы подошёл сам, но я себя одёргиваю. С ним нужно быть умнее и действовать по-другому. Если уж противостоять, то не в мелочах, а ради чего-то действительно стоящего.

Пока я шаг за шагом сокращаю расстояние между нами, напоминаю себе, что не он один в этой комнате имеет власть. У него есть ко мне интерес, мне нужно помнить об этом и не продешевить.

Я останавливаюсь в метре от него, смотрю ему в глаза. Они у него красивые: глубокого кофейного цвета, а еще я никогда не видела таких темных густых ресниц.

Булат молча обводит взглядом моё лицо: лоб, брови, нос, губы. Мне не за что переживать. Кожа у меня идеальная без пудры и тональников.

– Разденься, – коротко требует он, не сводя с меня глаз.

Я накрываю пояс халата ладонью и щурюсь. Пришло время делать ход.

– Если ты хочешь со мной переспать, мне нужны гарантии того, что завтра ты не выкинешь меня на улицу. Предлагаю тебе заключить договор прямо сейчас. Я отдаю тебе себя в пользование, а ты обеспечиваешь меня жильём и деньгами, – я раздвигаю губы в улыбке и понижаю голос до соблазнительной тональности. – Обещаю, я буду очень послушной

девочкой.

От услышанного его лицо почти не меняется, разве что взгляд становится жёстче.

– Я сказал: «раздёнсья».

Я крепче вцепляюсь в тряпичный узел, не зная, как поступить. Я хочу быть уверена, что всё затеяла не зря. Готова выполнять его приказы, зная, что оно того будет стоить. Если я сейчас легко сдамся, то это будет означать безоговорочно принять его превосходство. Он еще меня не купил.

– Сначала мне нужны гарантии, – говорю тихо, но твёрдо.

Вместо ответа Булат небрежно сбрасывает мою кисть с пояса, резко дёргает. Я вздрагиваю, когда полы халата распадаются, обнажая кожу. Хочется закрыться и отступить, но я не собираюсь показывать ему слабость.

– Снимай.

Я вытягиваюсь струной, задираю подбородок и, по очереди дернув плечами, высвобождаюсь от тяжелой ткани. В конце концов, ему нужно видеть то, что он покупает. Стесняться мне нечего.

Его взгляд будто нехотя сползает с моего лица, скользит по шее, ключицам, замедляется на груди. Кожа покрывается ознобом, стягивает соски. Волнение достигает максимума, и чтобы как-то его замаскировать, я втыкаю руки в бока и принимаю расслабленную позу:

– Ну и как? Нравится?

Булат не реагирует на сказанное, продолжая исследовать мои ноги, лобок, живот. Наверное, это к лучшему. Так он будет больше меня хотеть.

– Грудь настоящая? – наконец, спрашивает он, и в его тоне режутся новые ноты: вибрирующие и хриплые.

А вот это уже точно комплимент. Хорошо.

– Силикона нет, если ты об этом, – говорю с ироничной усмешкой. – И губы у меня тоже свои. Теперь, раз уж ты все разглядел, можем перейти к договорённости...

– Ты здесь не диктуешь условия.

Я дёргаюсь, когда его жёсткие ладони ложатся мне на талию и, развернув, толкают животом к комоду. Дыхание сбивается, пульс начинает молотить в утроенном режиме. Широко распахнув глаза, я разглядываю матовую поверхность стены, пытаюсь справиться с дрожью. Так не должно быть. Мы ещё ни о чём не договорились.

Звуки за спиной сменяются один за другим: звон пряжки ремня, шорох расстегиваемой молнии, шелест фольги. И внезапно ко мне приходит осознание, что я ничего не контролирую, и что любая моя попытка манипулировать будет высмеяна и уничтожена.

– Ноги шире поставь, – рука Булата обхватывает мой живот, коротко дёргает вверх, фиксирует.

Я делаю, как он потребовал, и с силой впиваюсь пальцами в края комода. Бравата, которая ещё минуту назад ощущалась правильной и уместной, сейчас кажется мне смехотвор-

ной. Что я могу противопоставить ему? Он на своей территории и явно не привык к отказу. И я сама его выбрала, потому что он сильнее и опаснее Марата. Можно завизжать, отвесить ему пощёчину, и тогда он выставит меня за дверь. А я этого не хочу.

На короткое мгновение я чувствую в себе его пальцы. Они входят в меня коротким резким движением и также быстро выходят.

– Не напрягайся, – негромко советует Булат.

Я вздрагиваю, когда ощущаю что-то теплое и влажное, стекающее по коже ягодиц. Сердце начинает грохотать так, что проламывает грудную клетку. Зачем он плюнул?

Скользкий и твёрдый орган упирается мне во влагалище. Я дышу глубже, уговаривая себя не бояться. Ничего страшного не происходит. Все через это проходили. Давление усиливается, становится нестерпимым, и в следующее мгновение живот окольцовывает резкая боль. Я взвизгиваю, скребу ногтями по бездушному дереву, щекам становится мокро и горячо.

– Надо было предупредить, – произносит Булат спустя паузу, и мне приходится прикусить губу, потому что после этих слов следует новый глубокий толчок.

Он разливается по внутренностям горячей ноющей болью, стекает по ноге влажной теплой дорожкой. Я хочу вынести происходящее, не проронив ни звука, но все слишком туго и слишком больно, чтобы не стонать и не вскрикивать.

Ладонь Булата ложится мне на поясницу, надавливает, заставляя лечь грудью на комод. Моя девственность его не остановила, и он продолжает двигаться, не меняя темпа, методично и глубоко.

Совсем не похоже, что от секса можно получаться удовольствие. По крайней мере, не женщине. Влагалище жжёт и тянет, орган внутри меня ощущается раскалённой палкой, почему-то хочется в туалет. Я смогу потерпеть. Булат стал моим первым мужчиной, а они обычно это ценят. Ему не захочется меня никому отдавать.

Проходит минута, две, целая вечность. Острой боли больше нет, теперь она тупая, приглушённая. Он двигается во мне все быстрее, сдавливает шею, его бедра бьются о мои ягодицы с громкими шлепками. От взвизгов и криков саднит в горле, я совершенно лишаюсь сил. Прислонившись щекой к комоду, жмурюсь и глухо мычу.

Булат все делает молча: не охает и не стонет, слышно лишь его учащённое дыхание. То, что он близок к финалу, я чувствую интуитивно: его пальцы сгребают мои волосы, шлепки ускоряются до бешеного ритма и становятся оглушительными. Я кричу оттого, что давление внутри становится невыносимым. Кажется, ещё секунда, и меня разорвёт.

Всё прекращается через несколько секунд. Руки Булата покидают мои затылок и крестец, внутри тоже становится свободно.

Я боюсь пошевелиться. Ноги ощущаются немощными и

мягкими, руки онемели, грудь и низ живота, напротив, горят.

Я снова ощущаю ладонь на своей талии – Булат рывком ставит меня на ноги и разворачивает. Его зрачки расширенные и чёрные, на лбу серебрятся капли пота. Я машинально опускаю взгляд на алое пятно на ткани его рубашки и растерянно моргаю. На нём моя кровь.

– Стоишь? – он приподнимает брови. – Сходи в душ, подмойся. Потом ляжешь спать.

Я загипнотизированно смотрю, как розовая лужица воды исчезает в хромированном сливе, и не нахожу в себе сил пошевелиться. Я больше не девственница. Не знаю, что привело меня в такой ступор, ведь я смирилась с мыслью об этом еще перед встречей с Маратом и на простыни с лепестками не рассчитывала. Я смахиваю нечаянно скатившуюся слезу и встряхиваю головой. Хватит. У меня было много возможностей лишиться невинности: хоть со смазливym одноклассником Лёшей, хоть с Димой, который влюблён меня с первого класса. Сама отказывалась. Да и кто сказал, что с ними было бы намного лучше? Оксанка говорила, что первый раз всегда больно и страшно.

Я опускаю пальцы вниз и с опаской ощупываю половые губы. Увеличились в размере и выпирают. Так теперь всегда останется? Столько вопросов и мыслей, которым суждено остаться висеть в воздухе. Например, что будет со мной завтра.

Я выключаю смеситель и отодвигаю уже знакомую стеклянную перегородку. Что сделано, то сделано. Пятиминутной жалости к себе достаточно, чтобы оплакать потерянную девственность, а нужно жить дальше. Сегодня у меня есть крыша над головой и постель, а обо всём другом я буду думать позже.

Замотавшись в полотенце и засунув под мышку свои вещи, я выхожу из душевой. Стараясь ступать осторожно, чтобы не усиливать дискомфорт в промежности, возвращаюсь в спальню и вижу, что Булата в ней нет. Взгляд машинально падает на кресло: через спинку небрежно переброшены брюки и рубашка с пятном моей крови. Прислушиваюсь. Из-за двери доносится легкий шум и журчание воды. Он в ванной.

Я перевожу взгляд на заправленную кровать и после секундных колебаний стаскиваю с неё шоколадное покрывало. Булат ведь сам сказал, что после душа я могу лечь спать, так к чему сомневаться?

Забираюсь под одеяло, не снимая полотенца: других вещей у меня нет, а спать голой в чужой квартире я не хочу. Я трусь щекой о подушку и крепко обнимаю её обеими руками. От неё исходит всё тот же запах свежести. Не так всё и плохо. Я в красивой квартире, на мягких, вкусно пахнущих простынях.

События минувшего дня одно за другим начинают пролетать перед глазами: руки придурка Эдика, лапающего мою задницу, перекошенное от слёз лицо Кристины, похотливые взгляды Марата, жёсткость комода, вонзившаяся мне в рёбра и звуки сталкивающейся кожи. Внезапно я чувствую себя бесконечно уставшей. Мне, правда, нужно поспать.

Едва стена напротив исчезает за сомкнутыми веками, раздаётся стук распахивающейся двери и слышится поступь шагов. Пульс предательски ускоряется, и я снова открываю гла-



за. Булат стоит в середине комнаты, по пояс замотанный в полотенце, влажные волосы падают ему на лоб. Смотрит на меня.

Хищник. Это слово первым приходит при взгляде на его тело. Оно крепкое, мускулистое, из-за тёмной поросли волос на его груди и многочисленных татуировок выглядит немного устрашающе.

– Ты будешь спать здесь?

С кивком головы Булат шагает к кровати и начинает стягивать с себя полотенце. Я успеваю отвести глаза до того, как оно с глухим шорохом приземляется на пол. Слышится щелчок выключателя, и комната погружается в темноту. Матрас пружинит слева от меня, и в ноздри мгновенно проникает его запах: мускус, смешанный с пряным ароматом шампуня или геля для душа.

В попытке успокоить сбивчивые удары сердца я разглядываю темноту. Никогда не спала в одной постели с мужчиной. Хорошо, что кровать такая огромная: даже если я выброшу руку, то вряд ли смогу до него дотянуться. Непохоже, что Булат хочет обнять меня или поговорить.

Я лежу в напряженном ожидании несколько минут, но ничего не происходит. Судя по выровнявшемуся дыханию, Булат уснул, и я тоже решаю последовать его примеру. Кто знает, насколько длинный день ждет меня завтра.

\*\*\*\*\*

Я просыпаюсь от горячего касания рук, уверенного, не сомневающегося. Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, где я и что происходит. Лёгкий аромат морского бриза, мускус, тёмные стены. Я в квартире Булата, в его постели. Полотенце, в которое я была замотана, лежит смятым комком подо мной. Я беззащитная и голая.

Я чувствую давление на груди и животе, короткий рывок. Спина и ягодицы оказываются прижаты к твердому телу, глаза смотрят в потолок.

– Ноги раздвинь, – хрипло щекочет в затылке.

Я охаю и начинаю ерзать, когда половых губ касаются жёсткие пальцы. Они обводят чувствительную точку, отчего внизу живота остро скручивает, а икры дёргаются.

Я глубоко дышу, пытаюсь не поддаваться панике от новых ощущений, и заставляю себя развести колени. В промежности по-прежнему ноет, но снаружи странно и приятно настолько, что горят щёки, а изо рта вылетает сиплый стон. Затем касание исчезает, и я вновь чувствую это: тупое давление во влагалище. Ладони Булата стискивают мои бедра, и я вскрикиваю от взорвавшейся боли. Он начинает двигаться во мне. Утяжёлённое дыхание обжигает шею, щетина колет плечо, внутренности нестерпимо распирает с каждым новым толчком, потолок скачет и трясётся, то появляясь, то исчезая. Голова начинает плыть, в висках тугим напором гудит кровь, от каждого удара бёдер с губ срываются осипшие

вскрики. Сейчас не так больно, как было, но на удовольствие это совсем не похоже. Член Булата раздирает меня изнутри, ударяется в органы, нагнетает давление.

Мой крики переходят в непрекращающийся визг, когда он, приподняв, фиксирует бедра и начинает вколачиваться в меня в бешеном ритме. Перед глазами темнеет, все мысли распадаются в пыль – тело отключает ненужные функции в погоне за выживанием. На секунду мне кажется, что от происходящего я сойду с ума или потеряю сознание. Я никогда ничего подобного не испытывала: мучительная, лишённая контроля боль, смешанная с чем-то странным, острым и запретным.

Ноги разбивает мелкой частой дрожью, когда движения внутри меня замедляются. Я снова чувствую под собой твёрдость его живота и влажный жар груди. Ладонь Булата обхватывают мою грудь, грубо сжимает. Он толкается в меня в последний раз и застывает.

Я пытаюсь облизать пересохшие губы, но язык будто онемел; удары сердца глухой вибрацией отражаются в рёбрах. Булат приподнимает мои бёдра, коротким быстрым движением выходит из меня, заставляя зажмуриться и закусить губу.

Я перекатываюсь на простыни, машинально подтягиваю одеяло к груди и смотрю, как он встаёт.

Булат совсем не стесняется своей наготы: неспешно под-

ходит к комоду, берёт телефон и смотрит в экран. У него рельефные крепкие ягодицы, широкую спину пересекает объёмная татуировка с иностранными надписями. На икрах у него тоже татуировки.

– Сколько сейчас времени? – спрашиваю просто для того, чтобы не молчать.

– Шесть, – отвечает он, не оборачиваясь. – Можешь спать дальше.

– Откуда у тебя столько татуировок?

– У меня был тату-салон.

Несколько раз стукнув пальцем по экрану, он возвращает телефон на комод и выходит из спальни. В течение нескольких секунд я разглядываю дверь, после чего опускаю взгляд себе на грудь: сосок потемнел, на коже всё ещё видны его отпечатки. Трогаю себя между ног и оглядываю пальцы. Бледное розовое пятно. Крови почти нет.

Я зарываюсь в одеяло и закрываю глаза, уговаривая себя уснуть, чтобы отсрочить необходимость выгрызть себе путь к выживанию. Сон по крайней мере сотрёт ожившую боль в промежности.

В забытьё мне удастся провалиться спустя несколько минут. Мне снится мама. Она ставит на стол пироги, я тянусь их взять, и она прикрикивает на меня за то, что не помыла руки. Я иду в туалет по нашему узкому коридору, дёргаю дверь, но она оказывается закрытой. Тяну сильнее и сильнее, но она никак не желает поддаваться.

– Таисия. Просыпайся.

Я открываю глаза и моментально жмурюсь от яркого света, бьющего сквозь распахнутые портьеры. Надо мной стоит Булат, одетый в идеально отглаженную серую рубашки и тёмные брюки.

– Мне нужно уехать. Как вернусь – решу, что с тобой делать.

До меня не сразу доходит смысл этих слов, но когда это случается, я никак не могу решить, что чувствую по этому поводу. С одной стороны, мне не нужно сию же минуту влезать в ненавистные туфли и несвежее платье и срочно придумывать новый план, как выжить, а с другой стороны, в моём будущем по-прежнему нет никакой определённости. Булат использовал меня как надувную куклу уже два раза, а у меня все еще нет никаких гарантий, что после этого он не вышвырнет меня на улицу.

Поборов порыв потребовать у него ясности прямо сейчас, я обхватываю колени руками и киваю.

– А ты не боишься, что я у тебя что-нибудь украду и сбегу? – спрашиваю его удаляющуюся спину и моментально об этом жалею. Идиотский мой язык. Сейчас он может передумать и сказать, чтобы я убиралась из квартиры.

– Если такое придёт тебе в голову, ты очень сильно об этом пожалеешь, – произносит он вполоборота. – Вряд ли ты настолько дура.

Как только дверь за Булатом захлопывается, я выжидаю минуту, обматываюсь полотенцем и встаю. Поначалу думаю пойти в ванную, но потом решаю немного повременить с гигиеной и отправляюсь на экскурсию.

В процессе осмотра квартиры выясняется, что комнаты здесь четыре: просторная квадратная гостиная, будто сошедшая со страницы паблика об интерьерном дизайне; немного странное помещение с большим круглым столом посередине и барной стойкой и ещё одна спальня, немногим меньше той, в которой я провела ночь. При виде неё я удовлетворённо хмыкаю. Булат вполне мог ночевать здесь, но предпочёл остаться со мной.

Когда я нахожу кухню, то на секунду застываю в восхищении, а потом начинаю улыбаться. Она просто потрясающая. Чёрный гарнитур занимает целых две стены, посередине – того же цвета островок, какой я видела в своих любимых сериалах о богатых домах, Г-образный обеденный стол, а ещё кофемашина, красивый духовой шкаф и мерцающий стальным гляncем холодильник. Не сравнить с нашей крошечной кухней в Череповце, не способной вместить более трёх человек.

Перед глазами вдруг ясно встаёт картина, как я стою возле плиты в кремовых пижамных шортах и тонкой шелковой

майке – образ, подсмотренный мной у модного блогера в инстаграме. Готовлю себе кофе, пью его из белой фарфоровой кружки, глядя в окно. Я должна здесь остаться. Если для этого мне нужно будет удовлетворять все сексуальные прихоти Булата и быть терпеливой, я это сделаю. Такой жизнью я хочу жить. Покупать продукты, не считая денег, приходить в эту квартиру и готовить, зная, что больше не увижу неряшливого отчима, разящего перегаром, и не услышу крики матери, в очередной раз указывающей, что я сделала не так.

Желудок начинает подавать недвусмысленные сигналы о том, что голоден, и я решаю исследовать содержимое холодильника. Надеюсь, Булат не запер меня в квартире, где совсем нет еды.

Прохладная хромированная ручка мягко отщёлкивается, и я облегченно выдыхаю: продукты есть. На подсвеченных полках лежат несколько видов сыра, кусок мяса в вакуумной упаковке, тонкая, словно высушенная палка колбасы с налётом белой плесени. Последняя, видимо, успела испортиться. Есть яйца, две стеклянные бутылки с соком, банка консервированных оливок. Фу. Их я терпеть не могу. В нижнем отделении я нахожу упаковку овощей, похожих на морских ежей, и решаю её не трогать. От голода я точно не умру, это уже хорошо.

Следующий шаг – разобраться с плитой. Она плоская и сенсорная – такая была в квартире Оксаны. Наобум потыкав кнопки, я добиваюсь того, что одна из конфорок загорается

красным, и ставлю на неё сковороду.

Через двадцать минут я сижу за столом. Передо мной стоит тарелка с глазуньей, рядом с которой аккуратно разложены ломтики сыра и подкопченного мяса, и кружка с чёрным кофе. С ним мне пришлось повозиться – кофемашина отказывалась подчиниться с первого раза. Жаль, что сел телефон и я не могу выложить эту красоту в инстаграм. Ладно, в другой раз. Надеюсь, такой шанс у меня будет.

Мясо имеет непривычный вкус, как, впрочем, и сыр, и я жалею, что не нашла хлеба. Я стараюсь есть неторопливо и изящно: режу еду на мелкие кусочки, перед тем как положить в рот, тщательно жую. Вспоминаю наши ужины дома, – как отчим с шумом всасывал суп и рвал зубами курицу, – аккуратно откладываю приборы и подношу к губам чашку. Как бы я ни была голодна, я никогда не буду есть как он.

Напиток оказывается крепким и горьким настолько, что я машинально начинаю шарить по столешнице в поисках сахара. В мире богатых людей у пищи другие вкусы, которые мне не сразу удаётся распробовать, и я обещаю себе, что обязательно сделаю это в будущем. Я буду работать над собой, чтобы больше ни одна живая душа не назвала меня оборванкой, не упрекнула в отсутствии вкуса и не смогла заподозрить, что я родилась в такой провинциальной глуши как Череповец.

Булат вернётся сегодня и мне нужно придумать, как убедить его в том, что я ему необходима. Он сказал, что не имеет проблем с сексом и не привык за него платить, значит,



мне нужно предложить что-то сверху. Что хотят мужчины от женщины, помимо секса? Наверное, восхищения и заботы. Я могу всё это дать: я хорошо готовлю, я весёлая и я умею слушать.

План действий зреет в голове за минуту. Я быстро обшариваю шкафы в поисках необходимого набора продуктов для своего коронного блюда – пасты карбонары. Вкуснейший рецепт, просмотренный мной в одной кулинарной передаче. В одном из ящиков я нахожу гнёзда макарон и упаковку одно-разовых сливок и начинаю улыбаться. Ещё одна маленькая победа.

Когда время на часах показывает семь вечера, в списке выполненных мной дел числятся вымытые полы, начищенные до блеска зеркала и кухонный гарнитур, а на плите в совершенно новой блестящей кастрюле остывают макароны под сливочным соусом. Чтобы не выглядеть запыхавшейся, я принимаю душ и закутавшись в знакомый халат, сажусь перед телевизором.

К середине дурацкой передачи меня начинает неумолимо клонить в сон, но звук поворачивающегося в замке ключа заставляет меня вскочить на ноги. Я поправляю волосы, ту-же затягиваю халат и, придав лицу доброжелательное выражение, выхожу в прихожую.

– Привет... – все заготовленные слова за секунду улетучиваются из головы от негодования. Булат идёт мне навстречу, не сняв обувь. Его квартира размером с футбольный стади-

он, а я потратила два с половиной часа на мытьё полов.

– Я убиралась, если ты не заметил, – погасив вспышку гнева, с укоризной смотрю на его туфли.

Булат окидывает меня оценивающим взглядом и, проигнорировав моё замечание, направляется на кухню.

– Ты нашла, что поесть? – долетает из-за его плеча.

Мысленно приняв первое поражение, я иду за ним. Я дала себе обещание быть покладистой и милой, и я собираюсь ему следовать.

– Да, в холодильнике оказалось достаточно еды. Ты голоден? Я приготовила карбонару.

Булат мельком смотрит на плиту, берёт из сушилку ту самую чашку, из которой я пила утром кофе, и ставит её в отсек кофемашины.

– Я поел. Почему не открыла консерву?

Я непонимающе смотрю на него, а потом меня осеняет. В обед в дверь и правда несколько раз звонили, но, увидев в глазок незнакомого мужчину, я решила, что правильнее будет не открывать. Кто знает, с какой целью он пришёл.

– У меня нет привычки открывать посторонним.

Булат подносит к губам чашку и разворачивается. Сейчас в его глазах я впервые вижу нечто, напоминающее усмешку.

– Достойная привычка, Таисия. Это была доставка еды, хотя ты тут явно с голоду не умирала.

Я пытаюсь угадать, что скрывается за этим замечанием, и

решаю записать его в счёт похвалы. Теперь он знает, что я хозяйственная, даже если и не захотел пробовать мои макароны.

– Я люблю готовить, – произношу с достоинством. – Как прошёл твой день?

– Нормально, – осушив чашку в один глоток, Булат опускает её на столешницу и указывает глазами на дверь. – Пойдём.

Булат, пройдя мимо, покидает кухню, я выжидаю несколько секунд и иду вслед за ним. Не люблю, когда мне отдают распоряжения, не поясняя цели, но сейчас неподходящее время это демонстрировать. Я хочу остаться в этой квартире и не собираюсь ничего портить.

Я останавливаюсь в коридоре, не зная, в какую из комнат пошёл Булат, и для начала решаю заглянуть в гостиную. Он оказывается там: сидит на диване. Его взгляд грузом ложится на меня с первыми шагами и не сдвигается до тех пор, пока звонивший телефон его не отвлекает.

Булат, мельком посмотрев на экран, прикладывает телефон к уху. Возникшее напряжение внутри меня ослабевает: от его пристального внимания я волей-неволей начинаю теряться.

– Приветствую. Да, я уже там был... Завтра, скорее всего... Это лучше у Марата уточнить. Он про две эски говорил. Давай.

Завершив вызов, он кладёт телефон рядом и снова находит меня глазами. Смотрит на подол моего халата и голые ступни, которые я заклеила найденным пластырем, вновь поднимается к лицу.

– Халат сними и иди сюда.

Стихшее напряжение, смешанное с растерянностью, за

долю секунды достигает максимальной отметки. Так не годится. Пусть сначала скажет, что согласен принять мои условия. Если он снова хочет заняться со мной сексом и нужно терпеть боль, мне нужна ясность.

– Ты сказал, что мы обсудим мое нахождение у тебя, как только ты вернёшься.

– Я так не говорил. Я сказал, что решу, что с тобой делать. Подойди.

Дав себе несколько секунд, чтобы подавить восставший коктейль из негодования и беспомощности, я шагаю к нему. Халат сразу не снимаю. Подождёт.

Булат продолжает смотреть, лениво, слегка прищурившись. Думает, что всё и всегда происходит по его правилам.

Я останавливаюсь в полуметре от него, опускаю ладони на пояс. Хочу небрежно развязать его, но потом вспоминаю о своей цели. Мне нужно его покорить, потому что вымытые полы и приготовленные макароны не смогли этого сделать.

Пропускаю плотную ткань сквозь пальцы, не спеша тяну. С секунду даю ему полюбоваться животом в зазоре, обхватываю лацканы халата и спускаю их с плеч. Удары сердца с силой раздувают грудную клетку. Я не привыкла ходить голой даже в одиночестве, и мне не сразу удастся обуздать нервозность.

Взгляд Булата задерживается на моих белых кружевных танга, после чего он негромко произносит:

– На колени вставай.

В голове закручивается стремительная воронка из мыслей и предположений, усиливая шум восставшей крови. На колени? Для чего? Бесшумно сглотнув, я медленно оседаю вниз, одну за другой опускаю ноги на пол. Булат берётся за ремень, расстегивает пряжку, с глухим звуком дёргает молнию.

Я не в силах ни отвести взгляд, ни пошевелиться. Заворожённо смотрю, как он стягивает брюки вниз, как под ними появляются чёрные боксеры, обтягивающие внушительную выпуклость. Становится немного страшно. С другой стороны, чего мне бояться? Боли первого раза я уже не испытаю.

– Ближе, – коротко командует Булат, освобождая эрекцию от ткани.

Я слушаюсь его не сразу, потому что шокирована зрелищем. Его член смуглее, чем его кожа, и даже он выглядит до странности мускулистым, возможно, из-за набухших вен, оплетающих его длину, и крупного налитого верха. Наверное, поэтому мне было так больно. Потому что он явно большой.

Опомнившись, я придвигаюсь к изножью дивана до тех пор, пока не упираюсь в него коленями. Собираюсь спросить, что делать дальше, но в этот момент Булат кладет руку мне на затылок и коротким движением дёргает к себе. Его член оказывается совсем близко к моему лицу, и я на секунду задерживаю дыхание. Меня страшит мысль, что я могу почувствовать неприятный запах, и начнёт тошнить.

К счастью, подобного нет и в помине. Когда я делаю новый

вдох, то ощущаю легкий запах кондиционера для белья, смешанный с парфюмом и чем-то ещё, немного сладковатым, провоцирующим внезапное слюноотделение.

Чтобы не дожидаться следующего распоряжения, я сама открываю рот и осторожно касаюсь языком верхушки члена. Она горячая, гладкая и слегка солоноватая. Обхватываю её губами и выпускаю. Ещё вчера я была девственницей, а сегодня делаю мужчине минет.

– Ниже, – раздаётся над моей головой.

Я всасываю в лёгкие воздух и вбираю член в себя до тех пор, пока он не упирается мне в нёбо. Нужно, чтобы Булату понравилось, поэтому я продолжаю стараться: выпускаю его из рта и снова погружаю в себя. Я понятия не имею, как правильно двигаться, поэтому решаю замаскировать свою неопытность изобретательностью: не заикливаясь на одном движении, посасываю головку, обвожу её языком, то ускоряя, то замедляя темп.

– Сейчас дыши носом и не напрягайся, – ладонь Булата неожиданно накрывает мою голову. – И горло не сжимай.

С резким давлением ладони его эрекция проталкивается мне горло. Желудок за долю секунды подпрыгивает к диафрагме, выталкивая наружу звук тошноты, из глаз начинают литься слёзы.

– Дыши.

Я разглядываю тёмно-синюю ткань его брюк и бешено моргаю. Судорожно втягиваю носом воздух, когда член осво-

бождает мой рот. Он мокрый от моей слюны так же, как и мои губы.

Буллат обхватывает мой подбородок и заставляет посмотреть на него. Мне хочется отвернуться или сказать ему что-нибудь грубое. Вряд ли я сейчас выгляжу красиво: залитые слезами щёки, покрасневшие глаза и распухшие губы.

– Держи одинаковый ритм, бери горлом, – произносит он хрипло.

Я успеваю сделать один глубокий вдох до того, как опуститься вниз. Обхватываю член губами, стараясь взять глубже, но снова ощущаю зреющий спазм тошноты. Предпринимаю попытку двинуться назад, но ладонь Булата сдавливает мне голову, заставляя пройти путь до конца. Разбухшая головка ударяется в заднюю стенку горла, слёзы льются сильнее, я дёргаюсь и мычу. Но даже тогда он не даёт мне освобождения, продолжая прижимать к своему паху так, что я начинаю задыхаться.

– Дыши носом.

Зажмурившись, я старательно втягиваю воздух. С его притоком чувство страха постепенно начинает меня отпускать, тошнота тоже понемногу стихает.

Спустя несколько длинных секунд давление покидает мой затылок, и я снова могу отстраниться. Мое лицо и подбородок полностью мокрые от слёз и слюны, я шумно дышу и не могу перестать хватать ртом желанный кислород. Сквозь



мутную пелену перед глазами вижу, что он на меня смотрит. Я не собираюсь проигрывать, поэтому опускаю голову вниз и беру его снова. Двигаться в одинаковом ритм, брать глубоко.

Во рту очень влажно, поэтому скользить губами становится легче. Ладонь Булата по-прежнему лежит на моём затылке, но не давит. Это придаёт мне немного уверенности, и через пару минут удаётся поймать нужный ритм. От жёсткости пола начинают ныть колени, болят щёки, саднит горло, но я одержима целью довести его до оргазма. Постепенно его дыхание сбивается, и я вновь ощущаю солоноватый вкус на языке. Я на правильном пути.

Его ладонь резко сгребает мои волосы и с силой давит, так что от неожиданности я закашливаюсь и впиваюсь ногтями в обшивку дивана. Булат снова держит меня так в течение долгих мучительных секунд, затем отпускает и заставляет поднять голову.

Я протираю тыльной стороной ладонью губы, быстро сжимаю веки, чтобы позволить остаткам слёз стечь. Булат обхватывает член ладонью, начинает по нему водить. Я снова тянусь к нему губами, но он перехватывает мою шею и заставляет опускаться до тех пор, пока мой подбородок не упирается в обшивку дивана.

– Что мне делать? – сипло выходит из меня.

– Лижи их.

Протест внутри меня вспыхивает и моментально гаснет. Вряд ли это намного хуже минета. Я касаюсь языком мягкой

кожи, надавливаю, повторяю снова.

– Сильнее. Не останавливайся.

Это странно и ужасно грязно – то, что происходит. Булат мастурбирует рукой, а я ласкаю его языком. Еще пару дней назад я и представить такое не могла, а если бы и представила, то сочла отвратительным. Наверное, так и есть, но внизу живота всё равно начинает приятно тянуть, совсем как когда Булат трогал меня пальцами. Может быть, я испорченная. Но даже если и так, это к лучшему. Было бы куда хуже испытывать отвращение.

Движения его руки ускоряются, Булат снова тянет моё горло вверх.

– Рот открой, – сейчас его голос звучит почти завораживающе: глухо и низко.

Его член проталкивается между моих губ, пульсирующий и напряженный. Язык обжигает новый, горьковато-терпкий вкус, которого с каждой секундой становится всё больше и больше, он грозит переполнить мой рот. Не зная как с этим быть, я сглатываю. Сперма обжигает гортань, снова хочется закашляться.

Я медленно поднимаю голову, после того как пульсация члена стихает. Сердце колотится, как сумасшедшее, в животе мучительно сводит, мысли проносятся одна за другой со звуком разогнавшегося поезда.

Взгляд Булата сосредоточен на мне, его грудь быстро поднимается и опускается. Он тянет ладонь к моему лицу, про-

водит по подбородку согнутым пальцем, подносит ко рту. После секундной запинки я обхватываю его губами и трогаю языком. Сперма.

Увидев, что он берётся за брюки, я тоже решаю встать. Невольно морщусь: ноги жутко затекли. Набрасываю на плечи халат, затягиваю пояс. Нужно в ванную, умыться лицо и сполоснуть рот. Предупреждать его об этом я не собираюсь.

Когда я возвращаюсь в гостиную, Булат уже разговаривает по телефону, брюки расстёгнуты, рубашка выправлена.

Обменявшись с собеседником несколькими фразами, он убирает мобильный в карман и смотрит на меня. Я обнимаю себя руками, вскидываю подбородок. Чёрта с два я его отсюда выпущу, пока он не даст мне окончательный ответ.

– Теперь ты, наконец, озвучишь своё решение? Думаю, такие как ты должны уметь держать слово.

Взгляд Булата становится цепким, пристальным, он словно забирается под кожу, желая вытряхнуть из-под неё любую потаённую мысль. Мне вдруг невыносимо хочется опустить глаза, и лишь усилием воли я этого не делаю. Не собираюсь стыдиться случившегося.

– Вижу, не передумала.

– А должна была?

Он едва заметно пожимает плечами и начинает идти мне навстречу. Внутри что-то ёкает и отпускает, когда он останавливается перед журнальным столиком.

– Эту неделю проживёшь здесь, а дальше будет видно, –

он бросает на стеклянную поверхность черный пластиковый прямоугольник и смотрит на меня: – Купи нормальных вещей и продукты. Наглеть не стоит: на карте установлен лимит. В квартиру тебя будет пускать охранник. Закрывать дверь тоже будет он.

Если бы не опасение выглядеть душой, я бы заулыбалась. У меня получилось. Неделя – это ерунда. Я сделаю так, что он жить без меня не сможет.

– Все вопросы решаешь через него. Мой номер у него есть.

– А мне ты его не дашь?

– Пока он тебе ни к чему.

Очевидно, посчитав, что разговор окончен, он идет к дверям гостиной. Я разглядываю лежащую на столе на пластиковую карту, но, услышав подозрительный шорох в прихожей, выскакиваю в коридор.

– А ты разве не останешься? – растерянно смотрю, как Булат берётся за ручку.

– Я же говорил, что живу за городом, – произносит он перед тем, как захлопнуть дверь.

Ну и замечательно. Зато спокойно выплусь.

Когда я открываю глаза следующим утром, то непроизвольно начинаю улыбаться. Я лежу на огромной кровати в роскошной спальне и в абсолютной тишине. Нет ни раздражающего запаха подгорелой колбасы, которую ел на завтрак отчим, ни шума его обычной перебранки с матерью. Сбылась моя давняя мечта: я наконец живу одна.

Я по очереди опускаю ступни на пол и встаю. Еще одна хорошая новость: ноющий дискомфорт в промежности почти прошёл. Мама говорила, что на мне всё заживает как на собаке. В детстве я была редким сорванцом, а потому ссадины и переломы становились моими вечными спутниками.

Замотав волосы в высокий пучок, я принимаю душ и иду на кухню, где неспеша готовлю себе завтрак. Жаль, если пропадут макароны: одной мне их не съесть, а накормить ими Булата уже вряд ли удастся. Отнесу их тому охраннику, про которого он говорил.

Расправившись с едой, погружаю тарелку в посудомоечную машину, с устройством которой мне ещё только предстоит разобраться, беру чашку с кофе и подхожу к окну. И пусть на мне пока нет шёлковой майки и пижамных шорт, сейчас я переполнена чувством абсолютного удовлетворения. В этой квартире даже вид из окна идеален: нет ни уродливых детских качелей, ни поржавевших мусорных контей-

неров. Дворе напоминает мини-парк: аккуратно выстриженная зелень отбрасывает тень на скамейки и, если меня не подводит зрение, в глубине я вижу небольшой фонтан. Подумать только: пару суток назад я понятия не имела, где буду спать, а сейчас живу в доме с персональным фонтаном.

Даже кофе уже не кажется мне таким неприятным и горьким. Я допиваю его небольшими глотками, стараясь проникнуться глубиной вкуса, и прокручиваю в голове предстоящий день. В животе радостно покалывает: как легко строить планы, когда у тебя есть деньги. Выбирать одежду и покупать еду. Что может быть приятнее? Нужно не забыть обзавестись зарядкой для телефона и пополнить баланс. Без навигатора новичку вроде меня в столице не разобраться.

Так как мой выбор одежды временно ограничен, я влезаю в платье Кристины и скептически смотрюсь в зеркало. Вторые сутки пребывания в роскоши делают своё дело: я готова согласиться с Булатом, что такой наряд и впрямь выглядит дешёвым. Синтетическая ткань ощущается почти иноземной, подол хочется оттянуть пониже. Ничего, сегодня я куплю себе новых вещей, а его спрячу.

В коридоре меня ожидает первая плохая новость за сегодня: мне снова нужно надеть ненавистные туфли. Я с шипением протискиваю в них ступни и понимаю, что дальше подъезда в них попросту не уйду. Мне понадобится такси.

Прихватив с комода контейнер с макаронами, я отпираю замок и выхожу в коридор. Спуск по лестнице дается мне с

мучениями, я не могу перестать охать.

– Доброе утро! – я улыбаюсь охраннику, сидящему за стойкой перед большим черным монитором. – Я Тая. Булат вас обо мне предупредил?

Мужчина поднимается, быстро скользит по мне взглядом. Жаль, что ему удалось увидеть меня в этом платье. Вернуться сюда я планирую совершенно другим человеком.

– Вы Таисия?

Я невольно хмурюсь. Ну что за дурацкое имя.

– Зовите меня Таей, – с этими словами я опускаю перед ним контейнер и на удивленный взгляд поясняю: – Это паста карбонара. Я приготовила её вчера вечером для Булата. Очень вкусная. Поешьте, пожалуйста. Мне будет приятно.

На секунду мужчина выглядит растерянным, затем придвигает угощение к себе и бормочет:

– Спасибо.

– А вас как зовут?

– Михаил, – произносит он, будто спохватившись, и выходит из-за стойки. – Дверь нужно закрыть, правильно?

– Да. У меня к вам будет ещё одна просьба. Вернее, даже две. Не могли бы вы позвонить Булату и передать мне трубку? – Мне не хочется, чтобы охранник был в курсе, что у меня нет его номера, но тут, к счастью, мне даже врать не приходится: – Мой телефон сел, а зарядку я забыла в гостях.

После короткой паузы Михаил берёт со стола телефон и, потыкав в экран, прикладывает его к уху. Отворачивается от

меня, нервно трёт лоб.

– Булат Даянович... Это Михаил с охраны беспокоит. Тут девушка, про которую вы говорили, спустилась. Просит вам трубку передать.

На долю секунды я напрягаюсь – вдруг Булат ему откажет. От него всего можно ожидать. К счастью, мужчина оборачивается и протягивает телефон мне. Я шёпотом выговариваю «спасибо» и отхожу в сторону.

– Доброе утро, – стараюсь говорить неторопливо и с достоинством. – Как твои дела?

– В порядке, – его голос звучит безэмоционально и спокойно. – Говори немного быстрее, я сейчас занят.

Хам.

– Я собираюсь выйти из дома и вспомнила, что ты не оставил номер карты. Мне нужно снять деньги на такси.

– Двадцать тридцать один.

– Спасибо. Ты сегодня прие...

Договорить мне не удаётся, потому что в трубке раздаются гудки.

Ладно, может быть, он действительно занят. Но вообще такое обращение не слишком приятно. Мог бы выделить хотя бы минуту.

– Спасибо Вам большое, – возвращаю Михаилу телефон. – И последняя просьба. Вы не могли бы вызвать мне такси? Без телефона как без рук.

Спустя сорок минут, отстояв всевозможные пробки, вы-



званный охранником автомобиль привозит меня к ближайшему торговому центру. Поездка обошлась мне в пятьсот семьдесят рублей – немыслимая сумма по меркам Череповца. Я расплачиваюсь с водителем снятой наличностью и, стараясь не сильно хромать, иду ко входу. Несмотря на острую боль в пятке, внутри меня всё кипит предвкушением и восторгом. Вокруг столько народа: стильно одетые девушки со стаканами кофе в руках, мужчины в строгих рубашках, на ходу разговаривающие с невидимыми собеседниками, глянцевого цвета иномарки. Это город совершенно не похож на всё, к чему я привыкла, и он мне безумно нравится.

Глубоко вдохнув кипящий воздух, я захожу в крутящиеся стеклянные двери, и снова не могу не заулыбаться: внутри так красиво. Начищенные полы, сияющие неонов витрины, движущийся эскалатор и этот запах... Запах денег, возможностей, красивой жизни, дорогих вещей. Трепет в животе усиливается. Я сделаю всё, чтобы найти своё место в этом новом мире.

Оглядевшись по сторонам, я выбираю первый попавшийся обувной и иду к нему. Внутреннее собираюсь: в этих платье и туфлях на меня наверняка будут смотреть косо, но я смогу это потерпеть. Через пару часов все изменится.

Но косо на меня никто не смотрит. Девушка-консультант, отделившаяся от стайки других продавцов, с улыбкой подходит ко мне и уточняет, может ли она мне помочь. Её тон

настолько вежлив и доброжелателен, что я моментально расслабляюсь и начинаю улыбаться ей в ответ. Она мне нравится. Не красавица, но очень приятная. Возможно, мы бы даже могли дружить.

– Мне нужна удобная обувь... Что-нибудь не на каблуке и универсальное. Чтобы можно было носить с платьем и джинсами. Тридцать восьмой размер.

Девушка исчезает и меньше, чем через минуту, возвращается, держа в руках две пары кожаных шлепанцев. Они такие красивые и изящные, что пальцы моментально начинают зудеть от желания их потрогать. Но потом я смотрю на ценник, и моё сердце падает. Пятнадцать тысяч рублей. Но отказываться от примерки мне неудобно, тем более что девушка со мной так мила. Я опускаюсь на мягкую кушетку и, стиснув зубы, стягиваю с себя туфлю.

Если Марину, как написано на бейдже, и шокировал вид моих заклеенных ступней, то она не подаёт вида, продолжая улыбаться. Я по очереди вдеваю ноги в шлёпанцы и, выпрямившись, разглядываю своё отражение в зеркале. Меня затопливает восторг напололам с тоской. Какие они красивые. Сидят идеально и совсем не давят ногу. Настоящее произведение искусства. Рядом с ними туфли Кристины выглядят обшарпанными калошами. Я не хочу их снимать. Что стоило Булату сказать мне сумму, которую я могу потратить? Так было бы куда проще.

– Я не знаю, сколько денег на моей карте. Если оплата

вдруг не пройдёт, мы сможем подобрать что-то дешевле?

– Конечно, – кивает девушка. – Вы решили остановиться на этих?

Я киваю. Чёрный цвет более универсальный.

На кассе мне оформляют дисконтную карту, коробку со шлёпанцами складывают в красивый бумажный пакет. Я вытягиваюсь струной, когда девушка в белой рубашке подносит мою карту к терминалу. Пожалуйста, пусть на ней будет достаточно денег. С шумом и улыбкой выдыхаю, когда начинает выезжать длинный товарный чек. У меня есть обувь, стоимость которой равна месячной зарплате моей матери, и я наконец могу выкинуть эти чёртовы туфли.

На выбор одежды я трачу около двух часов, потому что никак не могу подобрать то, что запланировала: кремовые шорты и белую рубашку – лук, подсмотренный у любимого фэшн-блогера в инстаграме. Мне необходимо удивить Булата, убедить его в том, что со мной ему будет нестыдно выйти в свет, и при этом не потратить на это чудовищную сумму денег. Мне ведь ещё нужно купить продукты, косметику и красивое бельё.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.